

М. С. Петренко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1950–1960-е ГОДЫ

До середины XX в. сибирская деревня во многом сохраняла старый патриархальный уклад. Вопреки давлению сверху, несмотря на коллективизацию 1930-х годов, сельский мир оставался в известной степени самодостаточен, продолжал жить своей жизнью. В этнографическом отношении деревня не испытала в полной мере разрушительного воздействия власти. Сталинская политика в этой сфере носила противоречивый характер. При всех попытках модернизировать деревню в ходе общей индустриализации страны Сталин использовал для достижения своих целей инструменты, взятые из прошлого, вольно или невольно консервируя институты традиционного общества, видоизменяя, приспособлявая их к новым условиям, но, по существу, воспроизводя их.

Внутренняя психологическая замкнутость на своем мире обусловила спокойное отношение к спускаемым сверху решениям. Среда обитания, совместное использование угодий, пастбищ, леса, лугов поддерживали общинный характер жизни и сознания крестьян. Колхозный строй был дополнительным фактором, укреплявшим старое коллективистское мироощущение.

В 1950–1960-е годы в сибирской деревне отчетливо наметилась тенденция трансформации жизненного уклада, привычек, устойчивых представлений, межличностных отношений. Во многом это было связано со смертью Сталина, которая ускорила динамику социокультурных изменений, а новая хрущевская политика стимулировала процесс раскрестьянивания, превращения крестьянства в сельский пролетариат с присущими ему представлениями, образом жизни, системой ценностей, в основе которых

все более отчетливо проступала утилитарная индивидуалистическая составляющая.

Первые признаки ликвидации старого патриархального деревенского уклада появились еще в начале 1950-х годов, когда началось укрупнение колхозов, которое положило начало разрушению личных, родственных связей в деревне, консервировавших общинный строй.

Если до укрупнения колхозов председателей выбирали сами колхозники из «своих», то с начала 1950-х годов их стали рекомендовать из райкома партии, что было равносильно назначению. Вторая волна назначенных председателей, которая прошла осенью 1953 г., еще больше заглушила инициативу и самостоятельность правления колхоза. Хозяйственная деятельность теперь определялась сверху, приобретая все более отчужденный характер.

Именно тогда на селе возник раскол между народом и местной властью. Крестьянами новая председательская «волна», усиление администрирования, шедшее вразрез с вековыми традициями хозяйствования, воспринимались как вторжение чего-то инородного, фальшивого в жизнь деревни. Покусились на основной принцип крестьянина «Не мешайте жить».

Отличительной чертой крестьянского сознания являлась его персонифицированность. Местная власть воспринималась не институционально, а связывалась либо с конкретным человеком, либо с выполняемыми им функциями. Отношение к колхозам в деревне во многом определялось отношением к его председателю. Если председатель воспринимался как «свой», подходил к решению вопросов по-человечески, то и колхоз казался своим, и отношение к нему было соответствующее.

Утвердившиеся в деревне личные отношения помогали людям выживать в тех условиях. Например, многие колхозы в Сибири распахивали гораздо большие земли, чем указывалось в соответствующих документах. Налог с этих земель никто не платил, и весь урожай распределялся между колхозниками. Крестьяне в массовом порядке самовольно захватывали сельскохозяйственные угодья, и правление колхоза смотрело на это сквозь пальцы,

так как состояло из таких же колхозников, выдавало шерсть по заниженным ценам, осуществляло неравноценный обмен скота, например упитанную колхозную корову меняли на худосочную крестьянскую и т.п. Люди жили своей жизнью, работали, отдыхали, помогали друг другу. Приехавшие в деревню на постоянное место жительства девушки так описывали свои впечатления: «Правление несколько дней пьянствовало. Дня три отдыхали. Заведующий фермой приписывал дояркам недодоенное молоко... Один из членов правления заявляет: “У нас здесь свои законы! У нас здесь местная власть!”» [ЦДНТО: Письма в Томский обком ВЛКСМ: 269–273].

Умелость в деревне всегда противопоставлялась важности и куражу. Отсюда противопоставление сельского мира новым, присланным из города органам власти, которые требовали направлять энергию не на деревню, а на себя, как считали люди. Когда руководитель оказывался «чужим», договориться с властью было очень сложно. Она приобретала значение лишней и враждебной. В глазах простых людей местное руководство беспокоилось исключительно об отчетности, а не о реальном деле. В основе деятельности руководителей, как теперь казалось, лежали корысть, выгода, ориентированные за пределы сельского мира. Крестьянское сознание, конечно, не оперировало этими понятиями, но, будучи чуждым утилитаризму, на подсознательном уровне легко могло отличить искреннее отношение к делу от лживого, честно заработанное от добытого обманном путем. Все это не могло не влиять на отношение к труду в колхозе, который все более отчуждался.

Наряду с отчуждением труда важнейшую роль в трансформации прежнего уклада жизни сыграло отчуждение крестьян от земли. В 1954 г. началось уменьшение размеров приусадебных участков, что вело к разрушению крестьянского хозяйства и превращению колхозников в сельскохозяйственных рабочих, работающих по найму на государство. Начавшееся «обрезание» огородов, повлекшее за собой сокращение доходности личного хозяйства, и повышение дохода от работы в колхозе объективно вели к перераспределению в системе жизнеобеспечения крестья-

нина в пользу колхоза и ослаблению интереса к личному хозяйству. Введение в 1956 г. ежемесячного авансирования колхозников, переводившее крестьян, по сути, на зарплату, дальнейшее сокращение приусадебных участков, начавшееся в 1957 г. преобразование колхозов в совхозы приблизило сельских тружеников к пролетариату как по форме, так и по существу. Тогда же началось «личное» освобождения крестьян, что стимулировало рост миграции сельского населения в город. Установление в 1966–1968 гг. гарантированного минимума оплаты труда окончательно превратило колхозников в сельскохозяйственный пролетариат, что может рассматриваться как завершение процесса раскрестьянивания.

Отношение к личным приусадебным участкам в деревне было неоднозначным. За него держались, поскольку доход от работы в колхозе был крайне низок. Если появлялась возможность регулярного заработка на стороне, крестьяне без сожаления бросали землю. «Была бы у меня зарплата 1000–1200 руб., я бы давно отказался от своего личного хозяйства», — писал один сибирский колхозник Н. С. Хрущеву [ГАНУ: Письма и жалобы трудящихся 534: 55]. Все это свидетельствует о том, что условия для раскрестьянивания складывались не только вне сельской жизни, но и внутри нее. К середине 1950-х годов многие крестьяне психологически были готовы к отказу от прежней социальной и культурной идентичности, ориентировались на город и быстро впитывали привносимую извне систему ценностей.

В этот же период начинается эрозия натуралистского сознания, которое подпитывалось через регулярное природо- и землепользование. Принудительное обобществление личного скота стало наиболее болезненным моментом раскрестьянивания. В основе сельского образа жизни лежала живая связь с домашними животными. Разрушение этой связи нарушало единение с природой, уничтожало психологическую и нравственную основу крестьянского бытия. Люди душой чувствовали это, поэтому так болезненно переживали расставание с коровой или теленком. Ситуация усугублялась отсутствием в магазинах мяса и сохранявшимся низким доходом в колхозе, что грозило серьезно

повлиять на обеспечение крестьянских семей, оставшихся без личного скота. Характерные по этому поводу переживания содержатся в крестьянских письмах: «Лишиться коровы нам в данное время нельзя... Так считать можно, что живем за счет коровы» [ГАНО: Письма и жалобы трудящихся 534: 54].

В основе трансформации жизненного уклада сибирского крестьянства лежали не только социально-экономические факторы, хотя они сыграли в тот момент решающую роль. Началось изменение образа жизни, привычек, стереотипов. Причины этого следует искать в усиливавшемся процессе урбанизации, проникновении городских ценностей и представлений в сельскую жизнь, что особенно проявилось на юге Западной Сибири в связи с началом освоения целины.

Если в начале 1950-х годов в сибирской деревне еще были распространены частушки, романсы, старинные русские народные песни, то после приезда целинников в 1954 г. в Алтайском крае и некоторых южных районах Новосибирской и Омской областей частушки, народные песни и танцы начали постепенно вытесняться городской культурой. Популярными среди местного населения «товарочка», «дробь», пляски с припевами, содержание которых нередко тут же изображалось, воспринимались приезжими горожанами как свидетельство культурной отсталости деревни и даже вызывали насмешки. Все большее распространение стали получать городские танцы. Среднее и старшее поколение было этим очень раздосадовано. «До 1954 г. в клубе было веселее», — жаловались механизаторы поселка «Факел коммунизма» Алтайского края [Полищук 1966: 50]. Некоторые крестьяне до сих пор с ностальгией вспоминают, как по вечерам в клубе танцевали под гармонь, выбивали «дробь», вытапывали «точок».

В 1950-е годы в сибирской деревне сохранялась практика коллективных игр, хотя и они к 1960-м годам уходят в прошлое. Примечательно, что в игры в деревне играли не только дети, но и молодежь. Даже в лапту, сугубо детскую игру, играли 17–18-летние. Под общий визг и хохот катались на санках, качались на качелях. Только молодые люди катались с гор на больших санях, в которых размещалось несколько человек.

Молодежь играла в основном вечером. После танцев часто играли в «женилки». Парни и девушки выстраивались в два ряда. Каждый парень по очереди подходил к понравившейся ему девушке и хлопал ее по плечу, после чего та убегала. Молодой человек должен был ее догнать. Часто они убегали и уже не возвращались к компании, а объявлялись только под утро. Популярна была игра «столбы». Участники разбивались по парам и поочередно подходили к «столбу», одиноко стоящему человеку, вытянувшему этот жребий. «Столб» выбирал одного из подошедших и уходил с ним. Оставшийся становился «столбом», и все начиналось заново. Молодежь нередко нарушала правила. Пара влюбленных, подходя к «столбу», порой молча, не желая расставаться, разворачивалась и уходила под всеобщий смех собравшихся, оставляя «столб» стоять одиноко возмущавшимся. Все вспоминая те годы отмечали, что жили очень весело. М. С. Донечко из Томской области, описывая данную игру, показывала в ролях, как это делалось [ПМА 1995].

Сама эстетика коллективных игр является важной отличительной особенностью сельского образа жизни. Стремление изображать содержание песни или какого-то рассказа связано с этим непосредственным образом. Люди показывают обычно то, что *делали*, а не то, что *видели*. Во всех деревенских праздниках и сборищах ярко проявлялся самодельный и состязательный характер. В отличие от городских, рассчитанных на восприятие и ориентированных на зрелищность, деревенские мероприятия всегда предполагали личное участие, что эмоционально усиливало праздничный момент и способствовало налаживанию более тесных дружеских отношений.

Сельская *эстетика соучастия*, сопереживания, консервировавшая и укреплявшая коллективистское начало, всегда противостояла городской *эстетике восприятия*, в основе которой — отстраненность лица от объекта, сохранение дистанции, автономность и индивидуализм. Поэтому по мере отказа от коллективистских ценностей, усиления индивидуализма и утраты интереса к общественным нуждам росла новая эстетика жизни, более соответствующая городской культуре, что делало ее более

востребованной деревней. Отсюда — растущая готовность сельских жителей к усвоению городского образа жизни и все большее желание уехать в город.

С конца 1950-х годов уходят в прошлое не только коллективные игры. Все реже проводятся празднование свадеб и других праздников всей деревней, массовые гуляния с песней и гармошкой по улицам. Раньше празднование проходило по системе «от дома к дому», когда всей компанией (человек 20) заходили в один дом, затем, посидев некоторое время и прихватив с собой хозяина, шли в другой. И так вместе гуляли. Общедеревенские праздники, обычно после посевной или уборочной, устраивались, как правило, в лесу на большой поляне, часто на берегу реки. Гуляли в складчину. Люди собирались семьями, варили брагу, лепили пельмени, устраивали различные состязания. Такого рода коллективные мероприятия дольше всего сохранялись в маленьких таежных деревнях, крупные поселки избавились от этого намного раньше.

В деревне всегда были сильны общинные коллективистские настроения. Те, кто пытался уклониться от работы, пусть даже малооплачиваемой, или жил «себе на уме», хитрил, изворачивался, постоянно испытывали давление со стороны коллектива, который постоянно присутствовал в сознании крестьянина. Его нормы и требования быстро становились неотъемлемой частью индивидуальной системы ценностей, что и создавало условие и возможности для возникновения чувства стыда.

Расчетливость, прагматизм долгое время оставались неразвиты в крестьянской среде. Например, люди начинали заготовку кедровых орехов, сбор клюквы, брусники, других ягод не по принципу «кто вперед успеет», как сейчас, а только после принятия коллективного решения, что ягоды и шишки уже созрели.

Открытость души, переживание за общее дело, желание раскрыть, реализовать свои продуктивные силы ради нужд общества, колхоза имели самодостаточный характер, не определяемый какой-либо выгодой или рациональной целесообразностью. Как говорили сами крестьяне: «Надо же кому-то тяжелую работу делать», «Чем скотина виновата, чтобы стоять ей некормленной и неухоженной» [Коллектив колхозников 1970: 118].

Добросердечие и любовь к ближнему особенно заметны в отношении спецпереселенцев, которым приходилось очень трудно. Их было много в Сибири. Характерно, что местные жители, жившие сами на последние крохи, очень жалели ссыльных, к какой бы национальности те не принадлежали, помогали им, чем могли. На них смотрели как на «несчастненьких», которых было по-человечески жаль, вне зависимости от политической оценки их прежней деятельности.

Возникавшие на селе проблемы крестьяне обычно решали сами, не прибегая к услугам властей. Ярким примером этого может служить практика самосуда в сибирской деревне в середине XX в. Крестьян, подозреваемых в воровстве, зачастую убивали. Чаще всего человека, решившего прожить за счет других, попросту топили, привязав камень на шею. Другой способ казни заключался в следующем: несколько крепких мужчин брали преступника и несколько раз с силой ударяли его задним местом о землю, отбивая все внутренние органы. В результате этого человек постепенно гас и умирал. Любопытно, что жалоб с его стороны в адрес властей никогда не было. Третий способ расправы был не менее жесток: на лоб вредителю клали широкую доску и били по ней кувалдой. Бывший колхозник, рассказывавший это, уверял, что били умело, так, чтобы жертва либо слепла, либо теряла рассудок [ПМА 1995].

Оценка человека в деревне зависела от того, куда он направляет свою энергию — в общее русло или на себя. Тех, кто пытался противопоставить себя сельскому обществу, «не уважал» местные правила, пытался схитрить, прожить за чужой счет, жестоко наказывали. Бывали случаи, когда тем, кто шел против коллектива, сельских обычаев, сжигали дом или сено, причем это могло повторяться несколько раз. Иногда поступали более изощренно. Под стог свежескошенного сена на некоторое время ставили стакан с дегтем. Сено пропитывалось дегтярным запахом, но человек его не чувствовал. Затем стакан убирали. Хозяин встречал зиму, пребывая в полной уверенности, что корма у него заготовлены, но скотина, более чуткая к запаху дегтя, не ела такое сено, и человек жил на грани голода, так как скотину приходилось колоть.

Прочность общинных ценностей, распространенность коллективных сборищ были связаны не только с размером населенного пункта. Более раннее исчезновение самосудов и иных форм проявления общинности в крупных поселках в значительной степени связано с социально-экономической организацией населения. Коллективные праздники, игры, песни, распевавшиеся колхозниками по дороге в поле или большой ватагой молодежи, возвращавшейся с танцев, сохранялись там, где существовали колхозы. Именно вовлеченность в общее дело подпитывала соответствующие коллективистские настроения. В крупных поселках колхозов не было, там существовали совхозы, леспромхозы, в которых люди работали по найму, как рабочие, что делало их более независимыми по отношению друг к другу. Поэтому процессы преобразования колхозов в совхозы, раскрестьянивание деревни занимают столь значимое место в анализе причин трансформации жизненного уклада сельских жителей.

Проведенные автором опросы селян показали, что «помочи» также начинают исчезать во второй половине 1950-х годов, хотя отдельные формы ее проявления можно наблюдать до конца 1970-х, главным образом в отдаленных небольших таежных поселениях (но в «помочи» участвовала уже не вся деревня, а лишь небольшая ее часть). «Помочь» — это практика бесплатной помощи односельчан при строительстве дома, бани, ремонте, уборке урожая и т.п.

Среди сельчан чаще стали возникать склоки. Об этом свидетельствует появление значительного количества жалоб, связанных с проблемами межличностных отношений. Традиционные формы социальных связей, которые всегда характеризовались доброжелательностью и бескорыстием, постепенно сменялись расчетливостью. Появились элементы безучастности и неотзывчивости. Помощь, ранее безвозмездная, стала оцениваться деньгами, чаще — банкой браги, реже — бутылкой водки. Это влияло на культуру и вело к общему упадку деревни. Молодой колхозник из Новосибирской области М. Н. Лукьяненко в письме, направленном на имя Н. С. Хрущева, сравнивая послевоенные годы с со-

временной ему действительностью 1957 г., так описал эту тенденцию: «В колхозе было так весело, было столько молодежи. Прошло всего несколько лет — и сейчас не узнать культурную жизнь в нашем колхозе. Среди молодежи только и слышен мат, но на это никто не обращает внимания» [ГАНО: Письма и жалобы трудящихся 502: 122–123].

С повышением уровня жизни и проникновением в деревню городской культуры меняется бытовая сторона жизни. На юге Западной Сибири, на Алтае, в 1950-е годы уходят в прошлое земляные полы, люди начинают носить пальто вместо фуфаяк и тулупов, отказываются от лаптей-чуней (в Сибири носили веревочные лапти). У девушек вместо шалей появляются первые шапочки. Во все дома провели радио. Под влиянием города популярные в домах этажерки, на которых размещались статуэтки, фигурки, на рубеже 1950–1960-х годов начинают убирать. Тогда же исчезают кружевные оборки на простынях и наволочках. Постепенно утверждается городской стиль, хотя по-прежнему преобладала самодельная мебель.

Таким образом, в середине XX в. в Сибири наметилась отчетливая тенденция трансформации жизненного уклада сельских жителей. Ее истоки следует искать в новой аграрной политике, начавшейся в связи со сменой высшего политического руководства в стране, а также в объективных процессах рационализации, урбанизации жизни и росте утилитарности сознания. Другими словами, корни трансформации лежали в разрушении фундаментальных основ традиционного общества, типичным представителем которого выступало крестьянство (ему уже не оставалось места в новой социальной и культурной организации жизни).

Источники

Письма и жалобы трудящихся // ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Ед. хр. 502, 534.

Письма в Томский обком ВЛКСМ // ЦДНИТО. Ф. 608. Оп. 32. Ед. хр. 81.

ПМА 1995 (Кривошеинский р-н Томской обл.).

Библиография

Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование / под ред. В. Н. Колбановского. М., 1970.

Полищук Н. С. Судьба традиционного фольклора в Алтайском крае // Современный русский фольклор. М., 1966. С. 43–52.

Abstract

This article analyzes the transformation of traditional way of life of the Siberian peasantry in 1950–1960's. The loss of the specific features of rural residents and the destruction of community collectivist values is considered. In the village occurs alienation of labor, the peasantry becomes the rural proletariat. These changes are associated with the agrarian policy of Khrushchev, as well as with processes of urbanization and rationalization of life, with the growth of utilitarian consciousness.